

ИСТПАРТ

**КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)**

**ПРОЛЕТАРСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТПАРТА

№ 11

(23)

Мятеж в Верном 12—19 июня 1920 г.

1. Предпосылки мятежа.

На границе с Китаем, в далеком восточном углу Туркестана, раскинулась обширная и глухая Семиреченская область. До ее центра, г. Верного, от железной дороги около 600 верст. Сообщение происходит по почтовому тракту, лошаадьми, а гужевое, главным образом, на верблюдах. Население области смешанное: киргизы, сарты, татары, дунгане, таранчи, китайцы, семиреченские колонизаторы-крестьяне, казаки, чиновничество и наезжий городской элемент. Колонизаторы-крестьяне, торговцы и чиновники представляли собою господствующую группу и самым бессовестным образом эксплуатировали в дореволюционное время трудовое мусульманство, главным образом киргиз, которых здесь большинство из всех мусульманских народностей. С другой стороны, трудовое мусульманство не менее безжалостно эксплуатировалось и своей национальной «буржуазией» — баями и манапами (баем называют, вообще, богатого туземца, а манапом — к тому же еще и родовитого, наподобие наших покойных дворян).

Темнота и невежество среди туземцев невероятные, религиозный фанатизм жив и крепок до сих пор, поклонение старшему и богатому осталось в силе ¹⁾. Пролетариата в Туркестане вообще мало: по всему краю насчитывают не больше 40 тысяч, преимущественно жел.-дорожн. рабочих, которые к тому же довольно сильно отдают колонизаторским душком.

В Семиреченской области, оторванной далеко от железно-дорожной магистрали и промышленяющей главным образом хлебопашеством и скотоводством, нет даже и этого вида пролетариата, и опорю Советской власти там являются вместе с трудовыми казаками и крестьянами огромные массы батраческого мусульманства.

¹⁾ Статья написана в 1920 году.

Крестьяне-семиреки в большинстве по своему социальному положению ни в коем случае не могут быть истинными защитниками Советской власти, и только небольшая их часть, так называемые «новоселы», представляют собою сравнительно сносный элемент. («Новоселами», в отличие от «старожилов», называют крестьян, поселившихся лет 8—10 тому назад, не успевших еще окрепнуть, разбогатеть и превратиться в доподлинных колонизаторов-кулаков.) Семиреченское казачество, крепкое и устойчивое, усвоило по отношению к мусульманству ту же эксплуататорскую политику, которая так характерна была для колонизаторского крестьянства. Благодаря этим сложным экономическим отношениям, мы наблюдаем в Семиречьи весьма запутанные отношения сословные и национальные. С одной стороны, мусульманство объединено общей ненавистью к пришельцам, нетуземному населению вообще, к крестьянству и казачеству. С другой стороны, трудовое мусульманство, правда, первобытное и чрезвычайно невежественное, инстинктом понимает, что к группе насильников следует отнести и своих богатеев. Казачество и крестьянство, имея общий объект эксплуатации туземцев, все время чувствуют себя на положении конкурентов и находятся в состоянии непрестанной вражды; с другой стороны, и те и другие видели в мусульманстве общего врага и, благодаря этому, в нужную минуту, забыв свою исконную рознь,—объединялись в дружном походе на мусульман.

Так было, например, в 1916 году, когда в Семиречье разыгралась одна из величайших трагедий, которую видело когда-либо человечество. В ту пору царским правительством объявлена была мобилизация киргизского населения. Туземцы, дотоле никогда не подвергавшиеся мобилизациям, восстали поголовно и все свое негодование в первую голову обрушили на ненавистное им колонизаторское пришлое население. На усмирение были двинуты царские войска, к ним присоединились огромные массы крестьянства, и вся область запылала огнем жестокой, беспощадной резни. Совершенно не поддаются описанию те ужасы и зверства, которые допускали обе схватившиеся стороны. Выжигались и вырезывались целые селения, истязались женщины, девушки, старики и малые дети. Грудных младенцев сажали на вилы и разбивали об землю на глазах матерей. Связанных группами бросали в пылающие стога сена или раскладывали на землю, душили под досками и разбивали камнями, вырезывали языки, выкалывали глаза, выламывали руки, разрывали надвое, привязывали за ноги к сучьям могучих деревьев. Это была какак-то невероятно

дикая вакханалия мучений, в которой погибло с той и с другой стороны несколько десятков тысяч человек. Разбитые киргизы, а с ними частью таранчи и дунгане, побросав свои кишлаки (деревни) в ужасе бежали в Китай, главным образом в Кашгарию, граничащую с Джаркентским уездом области.

Можно себе представить, насколько жестока была резня, насколько глубока была ненависть, если еще и теперь, через несколько лет. Семиречье дрожит от напряжения и ждет, что вот-вот повторятся страшные события 1916 года. То здесь, то там, а особенно в Пржевальском уезде, центре кровавой резни, вспыхивают конфликты, бывают даже мелкие схватки, убийства, разоружение, угон скота. В ужасных лишениях провело эти годы невольного изгнания бездомное и нищее киргизское население, ушедшее за китайскую границу. Особым предписанием Туркестанского ЦИК'а эти беженцы ныне водворяются на места своего прежнего жительства и получают широкую государственную помощь жильем, землей, скотом, одеждой и деньгами. Но множество их поселков уже сожжено, земля запахана «победившими» их колонизаторами, а скот разграблен. Приходится все это заново строить или добывать, отнимать у захватчиков. И на этой почве снова получаются осложнения, снова муслируется рознь между туземным и пришлым населением. Нужно считать, что к половине 1920 г. эта взаимная рознь ушла куда-то вглубь, как бы притихла и давала о себе знать лишь внутренними толчками, то там, то здесь прорываясь наружу.

Большого внимания заслуживают отношения между крестьянством и казачеством. Февраль 1918 г. в Семиречье соответствовал октябрю 1917 года в Центральной России. В это время поднялось семиреченское казачество, солидаризировавшееся с восставшим казачеством, Уральским, Оренбургским, Сибирским и т. д. На него напирала красная партизанские отряды, местные и двигавшиеся из Ташкента; первые схватки этих отрядов с казачеством были началом гражданской войны в Семиречьи. В лице восставшего казачества семиреченские крестьяне видели отнюдь не классового врага, а исключительно конкурента в деле эксплуатации трудового мусульманства, и данный момент они сочли совершенно подходящим для того, чтобы этого извечного конкурента стереть с лица земли и лишит навсегда экономической мощи. Как это странно на первый взгляд, но даже и зажиточно-кулацкая часть крестьянства Семиречья поднялась на защиту Советской власти, создав партизанскую Красную армию и целых два года сражаясь

под советскими лозунгами. С той и с другой стороны стояли экономически мощные группы, которым одинаково чужды были по существу принципы Советской власти и которые пожирали друг друга преимущественно во имя сословных интересов и разногласий.

Недостаточная классовая дифференциация, отсутствие достаточного количества заметных идеологов,—все это способствовало тому, что элементы войны гражданской, чисто классовой—совершенно затеривались и затушевывались в пресобладавших элементах сословного состязания не на жизнь, а на смерть. Война сосредоточилась, главным образом, в двух северо-восточных уездах области—Копальском и Лепсинском, представляющих ныне безотрадную картину глубокого разорения и сбищания. С нашей стороны действовали, главным образом, стрелковые партизанские отряды, только к 1920 году сведенные в регулярные части. Со стороны казачества действовали, разумеется, конные части, руководимые Щербаковым, Анненковым и Дутовым. Весною 1920 года нами почти без боя был взят Копал, а в Копале—шеститысячная неприятельская армия. После этого казацки генералы с остатками своих частей покатались неудержимо на восток и, наконец, были загнаны на территорию китайской провинции. Таким образом крестьянство считало себя победителем и через «свою» Красную армию думало диктовать Советской власти «свои» требования.

Следует сказать, что до половины 1920 года в Семиречьи не было ни классовой Красной армии, ни твердой Советской власти, ни пролетарской Коммунистической партии. Красная армия являлась плотью от плоти колонизаторов-семиреков и могла быть боеспособной лишь до тех пор, пока видела перед собою исконного сословного врага—казачество. Но лишь только этот враг был разбит, как Семиреченская армия сочла свою миссию законченной и дальше своего родного Семиречья ничего не хотела ни слышать, ни видеть. Когда высшее военное командование приказало этой армии переброситься на другой фронт—семиреки заволновались и ни в коем случае не хотели оставить пределов своей области. Советская власть, Исполком и Ревкомы состояли из публики то пассивной, то определенно враждебной и совершенно не считали для себя обязательными приказы и декреты центрального Советского правительства. Коммунистическая партия Семиречья недалеко ушла от местной Красной армии и от Советской власти. Организовавшись из семиреков, она являлась мелкобуржуазной по своему социальному составу и ни в коем случае не способна была проводить политику пролетарской диктатуры.

Трудовые мусульманские массы еще были слишком мало раскачаны—они не являлись тою надежной силой, которая теперь же, немедля, смогла бы принять активнейшее участие в хозяйственной и политической жизни области. Этот пробел—недостаток активных руководителей,—восполнялся до некоторой степени тою группой товарищей, которые приехали из центра и назывались здесь пронически и недоброжелательно «центровиками». Эта группа «центровиков» местным работникам была все время не по душе, так как она, якобы, принижала достоинство и значимость местных претендентов на руководящие роли; это обстоятельство служило постоянно причиной всяких неприятностей, обид и недоразумений.

Но эта приезжая группа проводила строгую, выдержанную линию Советской власти. В этом была ее сила. В этом же крылась и причина того, что кулачество сел и деревень, а равно и кулачество, пребывавшее в армии—ненавидели «центровиков» выше меры и только поджидали удобного момента, чтобы разделаться с ними как следует.

Туркестан в те дни в смысле снабжения материальными ценностями переживал то же, что и вся Советская Республика: острую нужду. Особенно же нуждалось трудовое мусульманство.

И вполне естественно, что власть трудящихся в первую очередь стала помогать именно трудящимся. Советская власть в Туркестане организовала широкую помощь беднейшим слоям мусульман. Это не понравилось заядлым колонизаторам, и они поняли новую политику, как покровительственную для мусульманства в целом и враждебную всему не-туземному. В Семиречьи для подобной агитации была особенно подходящая, благодарная почва: большинство представителей власти областной и уездной было из мусульман. Декрет по земельной политике был составлен в пользу трудовых мусульманских низов; для возвращавшихся из Китая, беженцев-киргиз—отнимали у кулаков то, что они успели наgrabить в 1916 году; в Семиречьи формировались мусульманские части, и они временно из области не выводились; словом, все говорило за то, что кулакам пора поднять травлю мусульман. А Красная армия семиречков, чувствовавшая себя победительницей, не прочь была теперь свести счеты с киргизами за памятный 1916 год. И вдруг ее уведат, а мусульман оставляют! Это было понято таким образом, что Советская власть развязывает руки мусульманству и дает ему молчаливое согласие расправиться с крестьянством.

Не обошлось дело, конечно, и без агентов Анненкова, который чутко прислушивался к господствующим в области настроениям и полагал использовать их для своего повторного вторжения. Об этом свидетельствует тот факт, что в Кульдже, куда скрылся Анненков с остатками своих войск, еще за неделю до мятежа, т.-е. числа 4—5 июня, уже говорилось о «перевороте» в Верном, о свержении Советской власти, о восстании Красной армии и всего гражданского населения—словом, подготовлялась почва для мятежа. Нежелание армии уходить из Семиречья и недовольство политикой Сов. власти (введением хлебной монополии, запрещением опийных заготовок, разоружением населения и пр.) послужили ближайшими причинами мятежа воинских частей в г. Верном 12—19 июля 1920 г.

2. Первый день мятежа.

Ко времени мятежа выборных органов Советской власти в Семиречьи не существовало, там всюду были назначенные военно-революционные комитеты. Это объяснялось, во-первых, близостью фронта, а во-вторых, опасениями, что при наличии темного трудового мусульманства—ловкие семиреченские кулаки на-создают себе такие «советы», что пожалуй через неделю—другую обявят «потребляющей» свою богатейшую область и ни зерна не дадут голодающему центру и Красной армии. Органом военной власти был Военный Совет стоявшей там дивизии, о котором можно сказать, что во время мятежа он был единственным оплотом Советской власти, твердо продержался до конца и заслужил благодарность Реввоенсовета фронта за проявленный такт и энергичную брешь. Военный Совет включил в свой состав, кроме начальника дивизии (т. Белова) и комиссара (т. Бочарова), еще уполномоченного Чусоснабарма (т. Поздышева), председателя особой продкомиссии дивизии (т. Мамелюка), Областного военного комиссара (т. Шегабутдинова) и председателя Обвоениревкома (т. Пацинко). Создался военный совет лишь после того, как Семиреченская Красная армия формально перешла на положение трудовой, и создан он для того, чтобы теснее сплотить все руководящие органы и координировать их работу. Вскоре Военному Совету предоставлены были права Реввоенсовета армии, и естественно, что авторитет его стал в области довольно высоко. Председательство в Военном Совете было поручено мне.

У Военного Совета со всеми областными и дивизионными органами (Трибунал, Особый отдел) установились удивительно тесные отношения. Вообще следует сказать, что глушь, оторванность и одиночество сблизили нас, кучку ответственных работников, в братскую сплоченную семью. За недостатком работников, каждый из членов Военного Совета в то же время являлся членом и Областного Комитета партии и областного Военно-Революционного К-та. Работы было много, работали мы дружно и каждый день сходились на каком-нибудь собрании или совещании. Регулярной связи с центром не было, и все крупнейшие дела нам приходилось решать самостоятельно,—это обстоятельство еще теснее сближало нас и заставляло обсуждать все вопросы сообща, коллективно, благодаря чему каждый из нас постоянно был в курсе жизни всей области. К моменту мятежа все наши части, предположенные, согласно приказу, к переброске, находились, главным образом, в двух направлениях: Копальско-Лепсинском и Джаркентском. Мы отлично сознавали, что переброска мирно не пройдет, а особенно с первого направления, и предлагали центру ряд мероприятий, но, несмотря ни на что, приказ о переброске остался в силе. В случае восстания нам совершенно не на кого было надеяться, разве только на 4 кавалерийский полк который состоял не из семиреков, а включал в себя представителей 21 национальности—киргизы, армяне, турки, дунгане, сарты, русские и т. д. Да была еще полунадежная рота «интернационалистов»—немцев, австрийцев и мадьяр, рвавшихся на родину и совершенно необстрелянных в боях. На другие части, а равно и Верненскую организацию Р. К. П., мы почти совершенно не надеялись—и были правы в своем недоверии, как это подтвердили дальнейшие события.

В первых числах июня из Джаркента в Верный прибыла часть 27 полка. До нас дошли сведения, что полк настроен весьма скверно, и что, прикрываясь разными требованиями, он фактически добивается своего оставления в Семиречьи. Узнав об этом, мы вчетвером (начдив, военком, начподив т. Кравчук и я) отправились немедленно в казармы, чтобы выяснить дело. Это было за полдень 11 июня. 3-часовая беседа и все наши разъяснения ничему не помогли, красноармейская масса держалась вызывающе-гудела, обрывала, угрожала—словом, видно было, что она на что-то надеялась, верила почему-то в безответственность своих поступков. Требования сводились к тому, чтобы их полк, разоруженный при отправке из Джаркента, немедленно воору-

жить, так как безоруженный, якобы, не в состоянии выполнить приказа о переброске и опасается, что по пути подвергнется нападению (?), хотя около сотни винтовок для охраны у него имелись; требовали красноармейцы и роспуска по домам — для отдыха и хозяйственных работ; немедленного устранения с должностей всех бывших офицеров, которые сдались нам на Семиреченском фронте; требовали уничтожения хлебной монополии, разрушения мусульманских частей, прекращения их дальнейшего формирования... В заключение толпа заявила, что казарм не оставит и не подчинится приказу до тех пор, пока не выдадим оружия. И потом еще было добавлено, что вот, дескать, скоро подойдет к Верному другой полк (26-й), и тогда нам все требования будут повторены более определенно и настойчиво.

А 26-й полк в самом деле держался подозрительно: согласно маршруту он должен был к 11 июня находиться от Верного верст, примерно, на 200, а на самом деле, нарушив все наши указания, он стоял уже в выселке Илийском, т.-е. всего в 75 верстах, и куда-то несомненно торопился и попевал. Мы немедленно дали приказ дальше Илийского ему не следовать, а с другой стороны — по этому же маршруту приказали двигаться более или менее надежному 4 Кавполку. В казармах дальше оставаться, после всего услышанного, было, бесполезно и мы направились на заседание беспартийной красноармейской конференции, которая работала уже второй вечер. На первый план, разумеется, выпирались все время бессовестно шкурные вопросы, но до сих пор нам удавалось поворачивать споры на обсуждение вопросов принципиального характера. Главного боя мы ждали на завтра, 12 число, когда должны были заслушиваться наказания делегатам от выборщиков. Но это последнее заседание конференции так и не состоялось, ибо в эту же ночь произошло восстание, была захвачена крепость, и мы все попали в положение осажденных. Восстание произошло при следующих обстоятельствах.

После заседания конференции я прошел домой и там вскоре узнал от тов. Муратова (зам. обвоенкома) о каких-то таинственных приготовлениях и брожении среди гарнизона. Затем, в первом часу ночи, тов. Белов (начдив) привел сотрудника шифровального отделения дивизии, и этот последний сообщил, что в комендантскую команду только что приходили двое неизвестных и предупредили команду, что ночью будет два сигнальных орудийных выстрела, по которым должны подниматься и идти все красноармейцы вообще. Зачем подниматься, куда идти — неизвестно.

Должи до нас сведения и о том, что пришедший из Самарканда транспорт с оружием захвачен и расхищен красноармейцами. Тов. Белов немедленно отправился к начснabu для выяснения этих сообщений. Я вызвал к себе начальника особого отдела тов. Масарского, и он сообщил, что получил от агентов подобные же беспокойные сведения. Положение стало особенно ясным после того, как прибежавший ко мне в номер командир батальона 27 полка заявил: красноармейцы его бат-на стоят под ружьем и собираются куда-то выступить; у всех откуда-то взялось оружие, хотя у него в батальоне было всего 92 винтовки; среди кр-цев он заметил много чужих, ему незнакомых лиц.

Было уже два часа ночи. Немедленно были собраны ко мне в номер все ответственные работники, и здесь мы создали свой штаб из трех лиц: Белов, Муратов и я. В номерах царило невероятное оживление. Мы установили связь с Особым отделом, ревтрибуналом, ротой интернационалистов и партийной школой. Вскоре свой штаб мы перенесли в помещение штаба дивизии. Когда были получены сведения о выступлении из казарм части батальона, двигавшейся на крепость, мы послали тридцать человек — интернационалистов на перерез мятежникам, но интернационалисты, перейдя на их сторону, сами тоже ушли в крепость. В это время тов. Шегабутдинов был направлен нами в караульный батальон и вскоре сообщил оттуда по телефону, что батальон солидарен с мятежниками и сам выступает в крепость — удержать удалось лишь до ста человек, которых сейчас же он и обещал привести к нам в штаб дивизии. Из этих приведенных вооруженными оказались только 54 человека. Командовал ими китаец тов. Масанчи. К этому времени мятежники уже заняли крепость. По нашим сведениям у них было свыше тысячи человек вооруженных; у нас набиралось человек 300—350, если считать команды Особого отдела и трибунала, оставшуюся часть интернационалистов, партийную школу и мусульман караульного батальона, приведенных в штаб. Партийную школу мы вызвали тоже в штаб и здесь стали ждать с минуты на минуту наступления из крепости.

Целую ночь мы провели в напряженном выжидательном состоянии, но крепость молчала и на штаб не шла. Посланные нами в крепость для переговоров товарищи Шегабутдинов, Муратов и Ефимов были арестованы. Поступили сведения о том, что население массами сбегается к восставшим, получает оружие, частью остается там же, частью уходит. Мещанско-кулацкое население Верного к восставшим относилось безусловно сочувст-

венно и готово было их всемерно поддержать. Мы чувствовали себя совершенно одиноко: скорой помощи ждать было невозможно, а своими силами справиться мы не могли. Кроме того, остальная Семиреченская полу-кулацкая армия к ним отнеслась бы так же сочувственно, если бы во-время узнала обо всем; в ней мы видели не опору, а врага. Единственной, более или менее надежной частью можно было считать 4 Кавполк.

Часа в четыре утра я связался по проводу с Ташкентом и обрисовал замкомандующего фронта, т. Новицкому, все положение; из Ташкента обещано было выслать нам на помощь вооруженную силу. До прихода подмоги нам неизбежно приходилось вести политику лавирования, всяческих уговоров и переговоров и до поры до времени идти на всевозможные компромиссы. Необходимо было выиграть время до подхода вооруженных частей, и в этом отношении центр нас отлично понял, давая, с одной стороны, серьезные советы, с другой стороны, делая всякие уступки мятежникам, уступки, которые с первого взгляда казались безусловным абсурдом. Мы предупредили Р.-В. Совет, что будем выставлять ему под давлением обстоятельств порою довольно странные и нелепые заявления, но давать их придется неизбежно, и центр великолепно уловил пульс происходивших событий.

В вооруженном столкновении, помимо его очевидной для нас неудачи, мы видели и другую сторону: здесь недалеко китайская граница, и все резкие события немедленно отзовутся на рынке; здесь близко Анненков, который под благовидным предлогом может оказать «помощь» мятежникам, а в результате — свергнуть Советскую власть; что здесь существуют сложные национальные взаимоотношения, и у всех в памяти живы еще события 1916 г., за которые Красная армия семиречков жаждет отомстить мусульманству. Первый же выстрел с нашей или вражьей стороны может быть истолкован провокаторами и понят населением как сигнал к всеобщему восстанию и к национальной резне. Недаром одним из центральных требований мятежников было — разоружение мусульманства и недаром через три недели после ликвидации мятежа в Верном один из военных вождей кулачества Меньшов пытался поднять восстание в Пржевальском уезде, вооружая крестьянство под флагом борьбы с «мусульманскими разбоями». Словом, обстановка настолько там сложна, что малейшая стычка могла разгореться в крупнейшее событие. В свете этих соображений мы с первого момента мятежа решили

проявить максимум осторожности и, главное, обойтись без кровопролития.

Рано утром мы решили послать в крепость для переговоров делегацию и в числе ее членов послать П. Берсенева, который имел среди восставших известную популярность за совместную с ними работу в 1918 году. Крепость, в свою очередь, прислала делегацию в штаб дивизии, но члены этой делегации уклонились от каких бы то ни было вопросов и заявили, что они присланы с исключительной целью — передать нам «миролюбивое и дружеское настроение крепости». К этому времени в крепости уже был создан «боевой комитет» — эта организация с самого начала до конца была совершенно безжизненна: ее никто в крепости не слушал, и дела решались шумом и гамом общих собраний. В боевой ревком вошел и арестованный тов. Шегабутдинов, который завязал с нами связь через т.т. Агидулина и Масанчи, держал нас в курсе всего происходившего в крепости и получал от нас директивы. Его задачи сводились к предотвращению эксцессов, разложению мятежников и уводу из крепости мусульман и всех замешанных в мятеже случайно и незаметно. Посещения делегатов ни к чему не привели. Было ясно, что мятежники не хотят принимать никаких решительных действий до прихода 26 полка, который по их соображениям должен был находиться на расстоянии одного перехода от Верного. Следует еще отметить, что у крепости было преувеличенное представление о силах и военной технике Трибунала и Особого отдела. Крепость предполагала, что в обеих командах этих организаций найдется минимум 800 штыков и не меньше десяти пулеметов. Мы, разумеется, не разувверяли мятежников в этой ошибке и очень может быть, что именно опасения мятежников вступить в открытый бой с этой мнимой крупной силой — и удержали их от активных действий до подхода 26 полка, который, кстати сказать, мы ввели только после занятия города 4 кавполком. Таким образом переговоры с той и другой стороны были только тактическими маневрами: обе стороны ждали подкреплений.

Вскоре из крепости пришло требование прислать туда для переговоров начдива, двух комбригов, завподивом и т. д. Словом, мы увидели, что приглашают и желают разом снять всю нашу военную руководящую головку. Мы заявили с своей стороны, что на переговоры согласны, но предлагаем их вести в совершенно нейтральном месте — в штабе киргизской бригады. Крепость не стала настаивать, хотя и выразила явное недовольство отказом.

согласилась, — и делегатское заседание было назначено на 4 часа. Ввиду того, что мятеж вызвал разноречивые толки в населении, при чем многие утверждали, что крепость занята белогвардейцами и в Верном Советская власть свергнута — мы в экстренном порядке 12 же числа выпустили листовку: «Всем, всем всем», в которой наряду с кратким разъяснением и успокоением населения — мы обещали жестокую расправу всем, распространяющим провокационные слухи среди населения. В этой листовке, как и вообще во всех своих приказах и распоряжениях, несмотря на фактическое свое бессилие — мы сохраняли твердый и спокойный тон, не скупясь в то же время на угрозы и обещания самой крутой расправы. В своем ответе на мой ночной разговор с тов. Новицким — командующий войсками тов. Фрунзе приказал нам объявить свою военную диктатуру. Но, утягивая момент, мы тогда диктатуры не провозгласили, так как понимали, что этот факт лишь раздражит еще больше мятежников и вызовет их на активные действия, что нам в то время было совершенно невыгодно. Не объявляя диктатуры, твердый тон в своих приказах мы оставили. Сообщили об этом центру, и он молчаливо санкционировал наше воздержание. Мы объявили диктатуру позже, когда ввели в военный совет представителей крепости, но даже и тогда крепость встретила это наше решение враждебно и протестовала, но было уже поздно: под приказом красовались подписи и представителей крепости, а не только наши.

Ко времени открытия делегатского совещания, т.-е. часам к 4, у нас уже не оставалось в штабе почти никакой вооруженной силы. Партия ушла в крепость еще с самого утра. Приведенные ночью мусульмане караульного батона, равно как и комендантская команда штадива — мало-по-малу перебежали в крепость, и с нами оставалась только партийная школа, имевшая около сорока винтовок и один пулемет. Остатки роты интернационалистов, к тому же слабо вооруженной, держались неопределенно, и мы на них совершенно не надеялись. В командах Особого отдела ревтрибунала было брожение и часть красноармейцев уже перебежала к восставшим, а из команды Особого отдела вскоре перебежали пулеметчики, захватив с собой пулеметные замки. Мы оставались незначительной кучкой, и в сущности не могли оказать никакого серьезного сопротивления, если бы только крепость захотела занять штаб дивизии, захватив вместе с ним и нас.

Но крепость по-прежнему чего-то ждала, и на делегатском заседании выяснилось, что она все еще уверена в наличии у нас

каких-то значительных и таинственных сил. Теперь это уже было совершенно непонятно, ибо перебежчики из команд Особого отдела и ревтрибунала, вероятно, сообщили точные цифры имевшихся там сил. Так или иначе, с нами еще церемонились, и мы решили до конца использовать это спасительное для себя заблуждение крепости. На делегатском заседании меня избрали председателем. От крепости и от нас присутствовало по десяти представителей, кроме того партия прислала еще четырех представителей от себя. От этого заседания остался протокол, где вопросы освещены подробно. Я коснусь этих вопросов при описании «знаменитого» митинга 15 июня, а теперь скажу вкратце, что разбирались на заседании те двенадцать запросов, которые предъявила нам крепость в письменной форме. В ряду там стояли вопросы о разоружении Особотдела и ревтрибунала, о высылке белых офицеров из Семиречья, об отмене смертной казни вообще, об обмундировании и питании красноармейцев и т. д. По всем вопросам мы достигли известного соглашения и предположили, что это соглашение через избранников крепости передастся и всему гарнизону. Но ничего подобного не получилось. С первого дня мятежа мы поняли, что различные делегаты крепости, даже весь боевой ревком — решают вопросы исключительно для себя и за себя: крепость их не слушает, их решений не признает и все дела разрешает общим «гласом народа».

Первый день мятежа закончился. В крепости росла воля к активным действиям. По городу замечались пьяные разъезды. Были случаи самочинных обысков. Начиналась вакханалия торжества разнузданной толпы. Вакханалия разрослась бы очень быстро до значительных размеров, если бы мы не держали все время крепость в состоянии необходимости вести непрерывную и срочную работу: то заседания и совещания, то митинги, то переговоры по проводу; вояки все время были заняты, а толпа или их выслушивала, или поджидала с этих собраний и совещаний, словом, крепость все время была занята. Это одно, а другое то, что мы уже пустили по гарнизону слух о помощи из Ташкента и о громовых резолюциях 4 и 25 полков, обещавших нам клятвенно свою поддержку, — это обстоятельство безусловно также сдерживало кр-цев от бесчинств и хулиганства. Впрочем, некоторая часть мятежников понимала, что резолюции вынесены при ближайшем участии наших партработников в полках и ни в какой мере гарантией для нас служить не могут.

Ночь на 13, равно как и на первую ночь мятежа, мы провели на ногах в штабе дивизии. Чувствовалось страшное утомление, но опасность была так непосредственна, что отшибала всякую охоту отдыхать...

3. А р е с т.

Крепость организовалась. В выпущенных ею приказах «Боевой Ревком» провозглашался в области высшею властью, которая подчиняет себе как военные, так и гражданские органы. В приказе № 3 от 13 числа говорилось о назначении нового командующего войсками Семиреченской области. Вместе с тем стало известно, что различные команды и мелкие части, находившиеся в крепости, переформируются и сводятся в полки. Сила крепости росла и организовывалась, в то время когда у нас к 13 июня не оставалось почти никого. Но тут очень кстати подоспели резолюции 26 полка и Кара-Булакского гарнизона, а вслед за ними и резолюция 4 кавполка. Во всех резолюциях говорилось неизменно о готовности помочь нам и активно бороться с мятежниками. Мы об этом разными способами дали знать всему гарнизону — это его несколько отрезвило, хотя окончательно ни в чем не убедило, так как гарнизон считал все эти резолюции делом рук военных комиссаров или вообще ответственных работников, но не красноармейской массы тех частей, откуда пришли самые резолюции. Однакоже, известное действие от них безусловно имелось.

Скоро мы отправились в крепость на митинг для раз'яснения постановления вчерашнего делегатского совещания. Мне было поручено выступить с общим докладом и огласить протокол заседания. Митинг состоялся внутри крепости, где теперь уже нашли приют все обиженные и почему-либо недовольные Советской властью: тут были и пострадавшие от карательной политики революционных органов и беженцы Лепсинского уезда, настойчиво требовавшие возмещения полностью убытков, которые принесла им война с Анненковым, были тут просто бежавшие и выпущенные из тюрьмы; были кулачки ближайших, а, может быть, уже и отдаленных сел, приехавшие или за оружием или с жалобами в крепость... Словом, горячего элемента тут была целая уйма. И все-таки более чем на час нам удалось овладеть этою неспокойной и мятежной аудиторией; мы заставили ее слушать себя при совершенном молчании и спокойствии — без выкрика, без единой

попытки прервать или оскорбить оратора. Можно было предположить, что мы завоевали симпатию слушателей, что мы их убеждаем и внутренне переводим на свою сторону, что в таком состоянии мы легко сможем навязать им свою волю и мысль. Это поняли сразу главари мятежников. Увидев, что аудитория слушает, а может быть, даже и соглашается с нашими доводами, главари крепости вдруг устроили ложную тревогу, объявили о каких-то мусульманских отрядах, появившихся на окраинах города, о броневиках и т. д. Митинг был сорван.

Через несколько минут тревога была объявлена ложной, но митинга вновь уже не открывали. Нас пригласили на объединенное заседание с Боевым Ревкомом в особое помещение. Там для проформы минут 10 — 15 они несли разную ахинею, а затем явились два молодца (Вуйчич и Технорядов) ¹⁾ и объявили нас арестованными «от лица всех красноармейцев». Негодяи лгали самым наглым образом: все красноармейцы тут были совершенно не при чем и, видимо, ничего не знали о нашем аресте. Я заключаю это из того обстоятельства, что когда через несколько часов Боевой Ревком созвал до 35 представителей от рот, чтобы вместе с ними решить нашу судьбу — эти представители красноармейцев находясь под впечатлением речей, почти единогласно потребовали нашего освобождения. В момент нашего ареста Боевой Ревком неловко и деланно изумлялся и даже справлялся о причинах этого ареста, но разыграно это было весьма неудачно, и нам стало ясно, что арест наш производится по секретному решению самого Боевревкома.

Нас увели. Посадили в камеру, где уже сидело человек 12 — 15, главным образом политических работников. Со мною были посажены: Мамелюк, Бочаров, Кравчук и Пащенко. Мы были по виду спокойны, но у каждого толпились в голове нехорошие мысли, каждый ждал расстрела. Так в напряженном состоянии прошло часа два. Вдруг слышу за дверью кто-то называет мою фамилию: «Фурманов здесь?» — Здесь, — отвечает часовой. В камере было уже совершенно темно. Скинув сапоги, я лежал в углу, когда услышал этот разговор за дверью. Мы настрожились. У каждого молнией пронеслась мысль о том, что нас начнут поодиночке уводить на расстрел. Дверь отворилась, и пришедшие люди еще раз назвали мою фамилию, требуя, чтобы я вышел из камеры. «Я босой», — заявил я им. — «Подождите»...

¹⁾ Оба расстреляны.

«Ничего, выходи босой»... Это еще больше убедило нас в мысли, что уводить начинают не для доброго дела... Тогда я пустился на хитрость. «Позовите, говорю, члена Боевого Ревкома, я без него не пойду...» Произошло какое-то замешательство: пришедшие, видимо, очень торопились; они почему-то повернули и быстро ушли из камеры. Впоследствии мы так и не узнали, кто именно приходил тогда к нам в камеру. В эти минуты, как узнали потом, в Боевом Ревкоме постановлено было нас освободить, и мы полагаем теперь, что приходили тогда за мною «активисты» Боевревкома, недовольные его решением о нашем освобождении и решившиеся в последнюю минуту расстрелять меня, вопреки постановлению Ревкома и представителей от рот. За это соображение говорит та торопливость, с которой они вызывали даже босого, и та быстрота, с которой они скрылись.

Скоро нас освободили и привели на заседание Боеревкома. В это время в штабе дивизии происходила невероятная суматоха. Узнав о нашем аресте, небольшая кучка оставшихся там работников, естественно, предположила, что крепость сейчас двинется на штаб и попытается захватить всех остальных; там приготовились к встрече: выставили пулеметы, встали все под винтовки. Тут же во дворе штаба стали сжигать секретные бумаги Особого отдела, перенесенные сюда заблаговременно вместе со всеми ценностями. Это выжидательное состояние продолжалось до того момента, пока штаб не узнал о нашем освобождении.

Мы заседали с Боевым Ревкомом и обсуждали вопрос о конструкции власти. Боеревком предлагал нам влить в него своих представителей, но мы отвергли это предложение, разъяснили всю его абсурдность и заявили, что центр с таким органом считаться не пожелает и сметет нас всех с лица земли. Мы предложили, как более целесообразное решение, влиться представителям Боеревкома в уже существующий государственный орган, Военсовет, и обещали походатайствовать перед центром о санкции этого нового смешанного органа. Все как будто уже склонялись к нашему предложению, но представительница «партии» Штекер своим неловким вмешательством испортила все дело. «Не влиться, а слиться на равных правах и по равному количеству» — ляпнула она. Эта мысль была подхвачена всеми членами Боеревкома, и после долгой перепалки нам пришлось помириться на слиянии, а не только на вхождении их представителей в Военный Совет. Заседание кончилось. Нам разрешили уехать из крепости в штаб. Несколько членов Боеревкома поехали с нами, чтобы присут-

ствовать при передаче центру нашего общего решения о конструкции власти.

Было уже за полночь, когда мы возвратились в дивизию, сейчас же передали по телеграфу в Р.В.Совет о своем согласии, и члены Боеревкома уехали в крепость. Мы провели в штабе третью бессонную ночь. Усталость была настолько велика, что многие засыпали сидя, или дремали, прислонившись к окну. На заседаниях можно было наблюдать, как моментально засыпали целыми группами.

Весь день 14 июня мы провели в ожидании ответа из центра. Члены Боевого Ревкома нервничали и все время торопили нас с ответом, как будто это зависело только от нас. Они указывали нам на беспокойное состояние гарнизона и утверждали, что им больше ждать не будет, что терпение его лопается. Чтобы несколько успокоить представителей крепости и отвлечь чем-либо их внимание, мы организовали никчемное заседание у себя в штабе, поставили ряд самых ягучих вопросов, благо им это было весьма занятно, а нам совершенно безвредно, и жевали эти всевозможные вопросы целых 4 часа. Крепость ревкомщики сами уведомили, что они заняты на «очень важном, срочном и секретном» совещании, и этого было достаточно для того, чтобы крепость заинтересовалась этой «срочностью» и «секретностью» и прислала нам сообщение, что теперь готова ждать ответ из центра хоть до завтрашнего дня. Нам больше пока ничего и не требовалось. Собрание шло своим чередом, а товарищ Мамелюк тоже своим чередом, пока все члены Боеревкома были поглощены заседанием, рассказывал центру по проводу об истинном положении дела и предупреждал о разных возможных неожиданностях.

Наконец, долгожданный ответ из центра был получен. Мы предложили представителям крепости продлить наше заседание, обсудить здесь в «товарищеской беседе» ответ Ревсовета (тем более, что его следует считать категорическим и окончательным, совершенно не подлежащим изменению в своей принципиальной сущности), обсудить, договориться обо всем и уже общими усилиями попытаться убедить всю массу в необходимости принять и выполнить его без всяких изменений.

«Крепостники» согласились. Мы разобрали приказ до мельчайших подробностей, наметили общий план выступления и решили на завтра утром, т.-е. 15, созвать общегарнизонный митинг в крепости, где я выступлю с докладом по поводу полученного приказа. Следует еще отметить один эпизод этого собрания, едва

не повлекший за собой очень крупных и для нас весьма неприятных последствий. В самой середине заседания шумной и возбужденной ватагой к нам ввалилось несколько человек «крепостников» вместе с представителями «партии» и членом Обкома Дублицким, который держал в руках какие-то бумаги. Оказалось, это были наши зашифрованные телеграммы, частью перехваченные крепостниками в пути, частью добытые здесь же на месте. Ватага потребовала их немедленного расшифрования и заявила, что если здесь окажется какая-нибудь «клевета» на крепость, — нам не одобровать. В зашифровках хотя «клеветы» и не было, но не было ни одного лестного отзыва по поводу восставших. Мы их там крестили и бандитами, и хулиганами, и прочими, нелестными эпитетами. Кроме того, в зашифровках говорилось о плане наших действий, вооруженной помощи из центра и т. д., словом, там были все наши сокровенные тайны. Если бы зашифровки, действительно, были расшифрованы — нам, конечно, бы «не одобровать», как выразился кто-то из членов возбужденной ватаги. Но мы сейчас же открыли горячие прения по поводу прав начальника дивизии «посылать, но никому не раскрывать зашифрованные депеши». К этому времени «партия» прислала своих контролеров на телеграф.

Мы живо повернули вопрос от расшифровки уже имеющихся депеш к выработке телеграфным контролером такой инструкции, которая безусловно гарантировала бы крепости в дальнейшем невозможность отправки и поступления на наше имя каких-либо секретных телеграмм, которые могли бы смущать крепость своим таинственным содержанием. Разумеется, мы сделали небольшую оговорку, которая с лихвой покрывала все наши уступки, а именно, выполнение всех оперативных задач, со всеми вытекающими отсюда последствиями, остается исключительно за начдивом и военкомдивом. Оперативные телеграммы никем не должны просматриваться и расшифровываться. Этого было совершенно достаточно. Помнится, какие-то права были выговорены и еще некоторым учреждениям и лицам. Словом, поворот от одного вопроса к другому был сделан довольно благополучно, и принесенные Дублицким телеграммы были забракованы нами, как оперативные, а потому не подлежащие расшифровке и для крепости к тому же совершенно безразличные. Этот небольшой эпизод мог иметь очень худой конец, но беда миновала благополучно, как благополучно миновали и все другие беды, которые посменно или целыми пачками висели в эти дни и ночи над нашими головами.

Совсем другим темпом развертывались бы события, если бы во главе движения встали анненковские офицеры, которые уже действительно начинали приобщаться к движению и должны были, по общему закону, сменить тех «революционеров», которые пока что барахтались против коммунистов. Но белые офицеры пока еще были не во главе, а «семиреченские коммунисты» вполне естественно старались придать видимость «законности» всем своим действиям, а равно и действиям Боевого Ревкома, в который они вошли. Я охотно верю тому, что ни в одном ночном постановлении расстрелять нас и перерезать (а таких постановлений, как потом оказалось, было несколько) — «коммунисты» Семиречья не участвовали. Они нам изменили, они нас предали, они от нас ушли, но они же и ослабили активность мятежников, сами того не видя и не собираясь делать.

Телеграф, прямой провод были в наших руках до последнего времени; на совещаниях мы все время до чего-нибудь да договаривались; по вопросу о шифрованных телеграммах восторжествовала «законная» точка зрения. Так, сами того не понимая, «семиреченские коммунисты» явились буфером, ослабившим наше смертельное столкновение с мятежниками.

Вскоре «крепостники» из штаба ушли, и вечером мы снова увиделись с ними в советском театре на общем собрании городской организации партии. Кстати скажу, что многие из вожаков являлись членами партии. Председатель крепостного Боевревкома, Чеусов, в то же время был председателем какой-то районной партийной организации ¹⁾.

Верненская организация Р.К.П., ведшая до этого вечера гнусно-провокационную линию поведения, узнав про некоторые для нас благоприятные обстоятельства, вроде броневигов, сочувственных резолюций из полков и т. д., вдруг переменяла фронт и поставила в повестку дня сегодняшнего собрания защиту принципа централизации, вопрос о необходимости подчинения приказам и т. д. В этом духе даже вынесена была соответствующая резолюция, отпечатанная позже в верненской газете. В конце заседания парт. организация решила немедленно идти в крепость и провести там предварительную работу по внедрению в умы красноармейцев убеждения, что приказам центра следует подчиняться беспрекословно. Но ее туда не допустили, вернули с дороги, да к тому же и не было уже смысла идти агитировать в абсо-

¹⁾ Расстрелян.

лютной темноте: было часов 9—10 вечера. Партия попала в крепость только на утро, ко времени открытия бурного митинга, где разрешался вопрос о конструкции государственной власти. Как передавал Хоменко, сам бывший член Боевревкома, но только выступавший все время в нашу пользу,—эту ночь Боевревкомом было принято постановление о нашем новом аресте. Хоменко туда явился ночью и убедил боевревкомцев отказаться от принятого решения. Но мы предвидели возможность ареста, и все ночевали кто по садам, кто по чужим квартирам.

4. Митинг (15 июня).

14-го июня Реввоенсовет прислал ответ на целый ряд поставленных нами вопросов, в том числе и на вопрос о конструкции власти. Разрешалось избрать от гарнизона 2-х представителей в Военный Совет дивизии и 3-х—в Обвоенревком. Реввоенсовет указал, что это его постановление следует считать *окончательным*, что никаких изменений в дальнейшем он не допустит и в случае несогласия гарнизона будет считать этот гарнизон восставшим против Советской власти, а, следовательно, и поведет против него определенные военные действия. Таким образом наступал последний момент объяснений: или мы окончательно договоримся и разойдемся мирно, или нас подымут на штыки, плюнут на все распоряжения Реввоенсовета и провозгласят исключительную власть крепости.

Мы решили на следующий день утром попытаться организовать в крепости объединенное заседание и на нем окончательно разрешить все вопросы. Военный Совет поручил мне выступить докладчиком. В эту ночь,—ночь перед последним и решительным «боем», никто из нас дома не ночевал, так как получены были сведения, что активная группа крепости, не надеясь на свои агитаторские силы, хочет порешить с нами в эту ночь.

Рано утром 15-го я пришел в штаб дивизии. Скоро собрались туда и другие товарищи. Решено было идти от Военсовета мне и тов. Позднышеву, а всем остальным остаться на местах, следить за ходом митинга, организовать для этого специальную связь и, в случае нашей неудачи,—принять немедленно необходимые меры. Мы отправились. Пришли в крепость. Было уже около десяти часов. Обстановка перед митингом не предвещала ничего доброго. Первоначально в Боевом Ревкоме по нашему настоянию было ре-

шено созвать представителей ото всех рот, выяснить с ними вопросы в тесном кругу и уже тогда вынести наши решения на санкцию общего собрания, если того потребуют красноармейцы. Но всего лучше даже и не созывать этого общего собрания, а просто делегаты расскажут все по своим частям и кончено. Если часть не удовлетворится, позвать для разъяснений кого-либо из нас или членов Боевого Ревкома вместе с нашими представителями. Но провести это предложение нам не удалось, видимо, за стенами Боевревкома работала какая-то группа и подливала масло в огонь, подмывая на созыв общего митинга безо всяких предварительных совещаний; вскоре один за другим стали приходить делегаты частей, требуя немедленного митинга безо всяких «секретных», «за стенных» совещаний.

Ревком слушал, молчал, подчинился. Выслушав делегатов, члены его поднялись и направились во двор крепости, к телеге, откуда произносились речи. Кругом гудели огромные толпы вооруженных красноармейцев. Стоял невообразимый шум, слышалась переключка, брань, скрип грузовика, лязганье оружия; так готовилась масса разобрать серьезнейший вопрос о конструкции государственной власти. По отдельным разговорам в кучках красноармейцев, по выкрикам и замечаниям—можно было заключить, что масса настроена непримиримо, что ее совершенно не удовлетворяет тот ответ, который получен из центра и который, видимо, уже тенденциозно освещался главарями.

Мы приступили к делу в обстановке недоверия, всеобщего возмущения, наэлектризованности и жажды устроить какой-нибудь дебош. Признаться, мы очень мало надеялись на успех; возбужденную толпу, почувствовавшую нашу силу, трудно было уговорить хорошими словами. Но мы решили все-таки держаться до последней возможности, совершенно твердо, не показывать и виду своего бессилия и защищать до последнего приказ Реввоенсовета.

Следует сказать, что к этому времени уже была в крепости вся верненская организация Р. К. П. Последние 3—4 дня мятежа она вела себя довольно сносно. Первые же дни ее поведение можно было считать преступно-провокационным. Дело в том, что к 15-му мы имели на руках резолюции 4-го кавалерийского и 26-го стрелкового полков и кара-булакского гарнизона. В этих резолюциях говорилось о презрении к мятежникам и о готовности расправиться с ними самым решительным образом. Кроме того, было известно о ташкентских броневиках и отрядах. Я считаю, что

эти сведения единственно и заставили верненскую организацию изменить свою линию поведения и держаться ближе к Военному Совету. До этих же пор она совершила следующие преступления: 1) ушла в крепость со знаменами, вместо того, чтобы по нашему приказу идти на подмогу к штабу дивизии, где концентрировались наши силы; 2) пыталась послать в центр провокационную телеграмму о том, что в Верном уже все спокойно и никакой помощи из центра не требуется, тогда как наши телеграммы все время настаивали на присылке помощи; 3) поставила на телеграфе свой контроль и тормозила общую работу; 4) задерживала наши телеграммы; 5) не подзывала к проводу, когда нас экстренно вызывали, например, т. Белова; 6) через своих представителей (напр., Дублицкого) требовала расшифровки наших телеграмм и секретных переговоров; 7) через своих представителей (напр., через Печенкина) на делегатском заседании с представителями крепости 12 июня в помещении киргизской бригады требовала разоружения Особого отдела и рев. Трибунала и немедленной передачи всего оружия в крепость; 8) наконец, ее представители входили в Боеревком без нашего ведома и, следовательно, обеляли всю подлую работу мятежников. Эта организация позже была распущена и села целиком на скамью подсудимых.

Правда, верненская организация пыталась все эти свои действия объяснить тем, что она хотела воздействовать на крепость «изнутри» и своим вмешательством предотвратить возможные эксцессы, но, признаться, это — очень скверная помощь, когда партийные представители требовали расшифровки секретных бумаг, разоружения Особого Отдела и Трибунала, не подзывали нас к проводу и т. д. Я убежден, что в последние дни мятежа организация изменила свою тактику единственно из трусости. Поэтому и во время митинга в крепости 15 июня мы совершенно не надеялись на активную помощь партийной организации. Больше надеялись мы на партийную школу, которая пришла в крепость целиком и представители которой помогали нам своими выступлениями. Кроме того, т. Шегабутдинов раскидал по толпе 60 чел. красноармейцев — мусульман, вооруженных до зубов и снабженных бомбами. В критическую минуту, когда толпа бросилась бы на нас — партийная школа, стоявшая возле нас, должна была сомкнуть ряды, мусульмане в этот момент забросали бы мятежников бомбами, нас должны были немедленно вырвать из толпы, живо посадить на приготовленных заранее коней и умчаться через ворота, где к тому времени другие товарищи должны были снять караулы

и посты. Получалось нечто фантастическое, ни дать ни взять, как у Жюль-Верна.

Открылся митинг чтением приказа Бюеревкома № 1. В этом приказе говорилось о том, что Бюеревкому отныне подчинена вся область, что он является высшей властью в области. Обсуждать тут в сущности было совершенно нечего. Красноармейцы одобрили «решимость» своего «Боевого Ревкома», пошумели, погалдели и в результате приняли приказ «к сведению».

Дальше предоставили мне слово для доклада по 12 вопросам, выставленным крепостью—для комментирования наших решений и раз'яснения последнего приказа центра о конструкции власти. Эти вопросы уже разбирались и комментировались мною на крепостном митинге 13 числа, но теперь к ним приходилось возвращаться снова, чтобы более понятным и приемлемым было последнее распоряжение центра. Обсуждение вопросов в общем длилось с 10 до 4 ч., т.-е. целых шесть часов.

Я докладывал какой-либо вопрос, раз'яснял его и предлагал определенное решение. Вопросы обсуждались и принимались или тут же на собрании, или их окончательное решение откладывалось до новых переговоров с центром. Председателем митинга был избран Ерыськин. Он был заключен Ревтрибуналом еще за несколько дней до митинга за какое-то дело и бежал из тюрьмы, скрываясь от наказания. Вообще, в крепости было очень много лиц, числившихся или за Ревтрибуналом или за Особым Отделом. Подобные же лица руководили всем делом восстания, и этим в значительной степени об'ясняется то обстоятельство, что вопрос о Трибунале и Особом Отделе был самым жгучим на всех митингах и делегатских заседаниях.

Целый ряд требований мятежников на первый взгляд могли показаться революционными и в известной степени законными например, требование высылки из Семиречья белых офицеров, только что перешедших к нам со своей армией на северном семиреченском фронте; требование улучшения положения больных и раненых красноармейцев, за счет которых, как говорили, бессовестно наживается больничная и лазаретная администрация; требование уничтожения формалистики и волокиты в советских учреждениях и т. д. Но эти вопросы и требования были только ширмой, за которой скрывались другие, более крупные, более важные и сложные.

На этих «законных» требованиях, близких каждому красноармейцу, мятежники пытались об'единить всю армию Семиречья.

вовлечь ее в водоворот событий, вместе с нею увлечь все население и уже тогда попытаться осуществить те большие и важные вопросы, которые пока что скрывались за ширмой и по которым проговаривались только сгоряча и как бы совершенно случайно. И мы видим, что эти «законные» требования привлекли к себе, действительно, симпатии даже тех красноармейцев и работников, которые за лозунгами и требованиями явно контр-революционными безусловно никогда бы не пошли. Этих крупных закулисных вопросов несколько.

Тут борьба за свое оставление в Семиречьи; борьба против хлебной монополии; борьба за возможность по-старому эксплуатировать трудовое мусульманство,—словом, целый букет самых бесцеремонных контр-революционных, шкурных и кулацких требований.

Кроме этих кардинальных основных вопросов, обсуждался и целый ряд других, сравнительно мелких.

Но и эти мелкие частные вопросы обсуждались с большим жаром и остервенением, особенно вопрос о Трибунале и Особом Отделе. Доводы, разумеется, были самые пустые и шаблонные, разбивать их было сравнительно легко, но возбуждение было настолько сильно, что на этом вопросе мы едва не свихнули себе шею.

Когда мне пришлось защищать революционную законность и необходимость этих организаций—возбужденная толпа закипела безудержным протестом. Нас обзывали наемниками и врагами «трудящихся» масс. Сзади, из среды перебежчиков, выделились несколько человек самых ярых крикунов; они подняли страшную суматоху, раздались крики: «Арестовать, уничтожить, расстрелять немедленно»... И мы, признаться, ожидали, что толпа подымет нас на штыки... Но в самую горячую минуту выступили председатель собрания и еще один член Боеревкома с горячим протестом, заявили, что уйдут из крепости, если красноармейцы позволят себе какое-либо насилие, что не дадут нас расстрелять—и этим переломили общее настроение. Как ни трудно было дальше уламывать, но уже до самого конца не было ни одной хулиганской выходки и ни одной угрозы,—обсуждение вопросов проходило в плоскости совершенно нормального спора.

Долго мы бились на последнем вопросе о конструкции власти, ибо крепость совершенно не удовлетворялась разрешением центра дать своих двух представителей в Военный Совет и трех—в Областной Военный Ревком. Тогда мы пошли на компромисс и предложили на свой риск выбрать еще 12 чел. для распределения

их на практическую работу по 12-ти отделам Ревкома. Это предложение всех удовлетворило, и собрание согласилось выбрать по 5 представителей от каждой роты и прислать их вечером в Советский театр на специальное собрание, чтобы уже там из них можно было выбрать представителей в Военсовет, в Обревком и во все его отделы.

Это вечернее заседание было совершенно мирным. Председателем был избран «крепостник» Прасолов, но фактически мы сами, со стороны, руководили ходом этого собрания.

Представители были избраны, и на утро Военсовет и Ревком приступили к работе уже в обновленном составе. Так закончился этот мучительно трудный день и так разрешился вопрос о конструкции власти. Вечером же 15-го части из крепости стали расходиться по казармам, и можно было предполагать, что все события кончились вместе с этим днем.

Но мы в этом сомневались и оказались совершенно правы. Мы хорошо понимали, что кулацкой армии совершенно недостаточно ввести своих представителей в руководящие военные и гражданские органы,—этим вопрос для них никоим образом не исчерпывался и эти представители отнюдь не могли гарантировать армии ее оставления в Семиречьи, разоружения и вывода из Семиречья мусульманских частей, уничтожения хлебной монополии, а ведь это как раз и были те самые вопросы, разрешения которых добивались мятежники и из-за которых загорелся весь сыр-бор. Мы предвидели, что семиреки из Семиречья добровольно все-таки не уйдут и под тем или иным предлогом попытаются снова предъявить нам свои кардинальные требования. Поэтому мы продолжали оставаться на-чеку и ждали вооруженной подмоги, которая нам помогла бы фактически и окончательно справиться с мятежниками. Дальнейший ход событий, бунтарское настроение частей и попытки снова занять крепость доказали, что мятежное состояние не улеглось.

5. Ликвидация мятежа.

16-го июня утром Военсовет дивизии и Областной Военно-Революционный Комитет приступили к работам уже совместно с представителями гарнизона. В этот день приказом Военсовета за № 3 мы объявили в области свою военную диктатуру. На официальных заседаниях мы разрешали все формальные вопросы, а что было по существу—мы предпочитали разбирать в от-

дельной комнате и исключительно старым составом работников. Гарнизон из крепости разошелся по казармам, но это совсем не означало его окончательного успокоения. Мы пустили всех политических работников по частям и приказали во что бы то ни стало склонить некоторые из них на нашу сторону.

17-го в 4-й кавалерийский полк был послан военный комиссар дивизии тов. Бочаров, а 18-го за ним последовали и мы. Наш от'езд был вызван следующими причинами. Согласно новому приказу начальника дивизии, бунтовавший батальон 27 полка был 20-го числа предназначен к выступлению в Ташкент. Но мы совершенно не верили тому, что он уйдет «по-хорошему», а потому 18-го отправились к нему в казармы, организовали обще-батальонное собрание и стали пытаться уяснить себе его подлинное настроение и отношение к приказу о выступлении. Как мы и предполагали, батальон выступить категорически отказался, заявив, что по-батальонно выступать не годится, что лучше идти целыми полками, почему, дескать, он и решил подождать 26-го полка, с которым направится вместе. Таким образом надежда на 26-й полк у мятежников ничуть не поколебалась ни от резолюций, ни от личных заявлений представителей этого полка, указывавших батальону, что 26-й полк готов беспрекословно выполнить любой приказ центра и относится совершенно отрицательно к поведению этого батальона.

Настроение было яснее ясного, и требовались уже не разговоры, а решительное действие. Это решительное действие мы в данное время имели возможность провести, так как надежный 4-й кавполк стоял от Верного всего в 23 верстах, на расстоянии пулякового перехода.

Белов, Шегабутдилов, Ерыськин, Юсупов и я решили в эту же ночь выбраться из города к полку. Мы собрались в укромном месте, сели на коней и в темноте пробрались через караулы мятежников к лесу. Впереди был раз'езд. Мы дали ему возможность уехать, а дальше он наткнулся на 4-й полк и был арестован.

Оставшимся в городе товарищам мы сообщили, что вернемся с полком на следующий же день—пусть они готовы будут помочь нам, чем можно. Кстати, мы им рекомендовали эту ночь не ночевать по домам, так как товарищем Масанчи были получены сведения, что именно в эту ночь всех нас снова хотели задержать: часть оставить заложниками, а другую порешить на месте. По имеющимся сведениям, существует об этом даже протокольное постановление некоторых виднейших мятежников, и позже, при до-

просе, один из них в этом сознался. Часа в 2 ночи мы были уже в Кара-Суке, где стоял 4-й полк. Рано утром были разобраны все важнейшие вопросы и было принято определенное решение: наступать!

Рано утром 19-го июня мы организовали общее собрание в 4-м полку. Рассказали красноармейцам без всякой демагогии и тенденциозности все, что произошло в Верном, и предупредили обо всем, что из этого мятежа может выйти, если своевременно не принять надлежащих мер. Во время собрания возвратились из Верного уехавшие туда накануне делегаты, отвозившие бунтовавшему гарнизону твердую и решительную резолюцию полка, требовавшего немедленного прекращения в Верном всяких бесчинств. Эти делегаты заявили, что гарнизон их принял за пустых и самозванных болтунов, а не за истинных представителей полка и даже не выслушал их с надлежащей внимательностью и серьезностью. Это окончательно взбесило красноармейцев 4-го полка, и они потребовали немедленно от слов переходить к делу. Но нам было мало одного этого возмущения—оно как быстро вспыхнуло, так же быстро могло и утихнуть. Нам необходимо было воздействовать на сознание полка, необходимо было предостеречь его от возможных провокаций, чтобы, завязав решительное дело,—на него можно было положиться целиком.

В течение двух слишком часов мы сказали все, что следовало сказать, и видя твердое и спокойное настроение полка—решили дальше не медлить и двигаться на Верный. Было отдано распоряжение готовиться к выступлению. Мы совещались и все еще не могли выбрать лучшего маневра, которым можно было бы легче и бескровно закончить свою задачу. Было предложение собраться в Советском театре представителям всех частей, в том числе и представителям 4-го полка и продиктовать через этих представителей общую волю особенно буйно настроенному батальону. О других частях мы уже не говорили, так как имели известия из Верного, что они больше против нас не пойдут, а в случае надобности даже могут оказать и помощь. Другое предложение было — собраться на площади всем частям вместе с 4-м полком и там же продиктовать эту общую волю. Но ни тот, ни другой план не гарантировал нам бескровной развязки, тем более, что на русскую, кулацкую часть караульного батальона мы надеялись очень мало. Наконец остановились на таком решении: полку встать за городом, не доходя версты 3—4, одну за другою вызвать сюда все части и обработать их в свою пользу окончательно, приняв в то же время

соответствующие меры как для охраны, так и для внезапного нападения. Последними пригласить бунтующий батальон 27-го и близкий ему по настроению батальон 25-го полка. Батальон 27-го полка все время заявлял о своем желании «поговорить» непосредственно не с делегатами, а со всеми красноармейцами 4-го полка. Теперь эта возможность ему представлялась, и отказаться он не имел никаких оснований, ибо не он нужен 4-му полку, а, наоборот, 4-й полк нужен ему. Когда же батальон придет—его незамедлительно окружить и обезоружить. Этот план мы считали наиболее удачным и с полной уверенностью в его выполнении в полдень тронулись из Кара-Сука на Верный.

Но нам даже не потребовалось вызывать части за город: в большинстве они сами выслали нам навстречу гонцов с пакетами и делегатов, а некоторые части, как, например, рота интернационалистов, а равно и партийная школа садами и огородами, в одиночку и группами вышли к нам почти целиком. Скоро полк подошел к Верному и остановился, как было предположено, версты за 4. Часов в 8 вечера в город на разведку и для ловли раз'ездов мятежников был послан эскадрон текинцев, вместе с которым направился и тов. Ерыськин. Текинцы, недолго думая, помчались прямо к казармам скандального батальона, окружили его, выгнали на волю опешивших бунтовщиков и тут же их обезоружили, отняв оружие, пять пулеметов и около 300 винтовок. Затем их, как баранов, погнали за город, навстречу уже двинувшемуся полку. Мы вступали в Верный победителями. В скором времени обезоружены были и другие части, которые мы считали не особенно надежными (перебежчики 25-го полка, инженерная часть и др.). Так без единого выстрела и без капли крови был ликвидирован мятеж верненского гарнизона. Приказом была отдана благодарность 4-му и 26-му полкам за революционную сознательность и твердость в деле защиты Советской власти.

Дальше, разумеется, стали производиться аресты руководителей мятежа—они попались почти до единого. По Верному и ближайшим станицам при обысках отобрали свыше 400 винтовок, бомбы и проч. Область была оповещена об окончательной ликвидации мятежа, и Военный Совет еще раз подтвердил свою диктатуру.

Верненский мятеж—явление не случайное, он имел глубокие социально-экономические корни. Это было не простое волнение, наподобие тех, что случались иногда в красноармейских частях на почве скверного питания, обмундирования и т. д.,—это

было движение зажиточных крестьянских слоев против основных принципов Советской власти, — движение, к которому примешались элементы сословной и национальной борьбы.

Движение можно назвать случайным только по месту (г. Верный) и в меньшей степени по времени (июнь 1920 г.), но объективно оно было неизбежным. Оно приурочилось к июню 1920 г. единственно потому, что в этом месяце должна была совершиться фактическая переброска из Семиречья Семиреченской Красной армии, детища и опоры зажиточных колонизаторских слоев Семиречья. Мятеж безусловно предполагал собою участие как красноармейских частей, так и огромной массы гражданского населения и не удался лишь благодаря целому ряду обстоятельств, парализовавших его в самом зародыше. Тот факт, что мятеж ликвидировался бескровно, отнюдь не говорит за его скромность и незначительность, — мятеж безусловно обещал принять формы как социальной борьбы против Советской власти, так и свирепой национальной резни.

Понадобилось не мало усилий со стороны Советской власти, для того, чтобы устранить основные противоречия, породившие мятеж. Только гибкая и выдержанная политика советских органов, направленная к изживанию национальных и сословных антагонизмов, к пробуждению в мусульманской бедноте классового самосознания, покончила с тем положением, выходом из которого могли быть вспышки, подобные мятежу 1920 г.

Д. Фурманов.